

137
270558

К.А.ЛЕВКОВСКАЯ

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Издательство
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1954

31.0

270568

Л 37

Левковская К.А.
Словообразо-
вание. - М., 54.

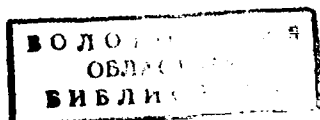
МОСКОВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. М. В. ЛОМОНОСОВА

Доц. К. А. ЛЕВКОВСКАЯ

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Материалы к курсам языкознания

Под общей редакцией
В. А. ЗВЕГИНЦЕВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1954

И 240568

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

КАФЕДРА ОБЩЕГО И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО
ЯЗЫКОЗНАНИЯ

От редакции

Кафедра общего и сравнительно-исторического языкознания Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова поставила своей задачей выпустить серию брошюр по основным вопросам языкознания. Это решение продиктовано тем обстоятельством, что в настоящее время советские вузы еще не располагают пособиями по общезыковедческим курсам, построенным на основе марксистско-ленинского учения о языке, тогда как потребность в такого рода пособиях огромна.

Настоящая серия, в создании которой принимают участие не только работники кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания, но и работники других языковедческих кафедр филологического факультета университета, также не представляет собой систематического изложения курса «Введение в языкознание» или курса «Общее языкознание». Серия будет содержать только материалы по общезыковедческим курсам и в отдельных своих выпусках может быть использована как студентами при изучении названных курсов, так и преподавателями для подготовки к лекциям по отдельным разделам этих курсов.

Данная серия — коллективный труд. Поэтому в изложении отдельных проблем языкознания и в особенности таких, которые не получили еще в советской науке о языке сколько-нибудь однозначного решения, неизбежно находят отражение особенности индивидуальной трактовки этих вопросов, различия в

широте охвата материала, самостоятельности его освещения и стиле изложения. Однако все эти различия не носят такого характера, чтобы приводить к противоречиям. Они также ни в коем случае не выходят за пределы того истолкования, которое эти проблемы получают в советской науке о языке.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

I

Словообразование является основным средством обогащения словарного состава языка, пополнения словаря новыми лексическими единицами. Большинство новых слов, возникающих в связи с изменениями социального строя, с развитием производства, с развитием культуры, науки и т. п., обычно образуется при помощи словообразовательных средств, тесно связанных со структурой языка и внутренними законами его развития (в то время как другой способ пополнения словарного состава языка — заимствование — имеет иную специфику и действует не постоянно, а выступает в зависимости от определенных исторических условий, то активизируясь, то отходя на задний план).

Как основное средство обогащения словарного состава языка словообразование в различных своих типах (морфологическое, синтаксическое, семантическое) играет в языке очень важную роль. Эта роль не ограничивается только лишь созданием новых слов. В процессе создания слов, в процессе обогащения словарного состава обогащаются и совершенствуются и самые способы словообразования.

Словообразовательные средства языка развиваются согласно внутренним законам его развития в этой области. Они развиваются в соответствии с потребностями языка в выразительных средствах, способных наиболее точно и полно передавать разнообразные оттенки мысли и тем самым способных максимально удовлетворять потребности общения.

Словарный состав языка — это самая изменчивая, самая подвижная сторона языка. Словарный состав почти непрерывно изменяется, непосредственно отражая все то новое, что появляется в жизни говорящего на данном языке народа. При этом одни слова отмирают, другие появляются вновь, а некоторые слова существенным образом изменяют значение, что в свою очередь может повести к образованию новых слов — омонимов.

Появление новых слов определяется потребностями общения людей в обществе. Этими же потребностями определяется и отмирание старых слов, обозначающих явления, исчезнувшие из общественной жизни и утратившие свое значение для общества на данном этапе его развития. Выпадает из языка, однако, лишь незначительное (по сравнению с общим числом лексических единиц) количество слов. Количество слов, вновь возникающих в языке, значительно превышает количество слов отмирающих. Таким образом, в языке происходит непрерывный количественный рост его словарного состава, непрерывное обогащение лексики, а тем самым и обогащение самого языка, так как богатство и развитость языка, богатство и разносторонность словарного состава находятся в определенной взаимосвязи друг с другом. «Словарный состав,— как указывает И. В. Сталин,— отражает картину состояния языка: чем богаче и разностороннее словарный состав, тем богаче и развитее язык»¹.

Богатство словарного состава, однако, отнюдь нельзя понимать лишь в количественном отношении — в смысле простого изобилия лексических единиц. Богатство словарного состава заключается также и в разносторонности словарного состава, следовательно, в богатстве выражаемых им понятий, в богатстве семантических и стилистических оттенков слов, обеспечивающих передачу самых разнообразных оттенков мысли и наилучшим образом удовлетворяющих потребности общения людей в обществе.

Эти свойства словарного состава непосредственно связаны со способами и средствами образования слов. Дело и здесь не только в количестве словообразовательных средств (которое в разных языках, в зависимости от их структуры, может быть очень различным), но и в их разносторонности, гибкости, в их способности наилучшим образом выражать понятия, связанные с самыми разнообразными сферами деятельности человека в обществе, т. е. опять-таки в способности словообразовательных средств максимально удовлетворять потребности общения. При этом огромную роль играет взаимосвязь между словообразованием, изменением слов и сочетанием слов в предложении, поскольку словообразование — это лишь одна из сторон языка как средства общения, а передаваемые человеческим языком (вырабатываемые на основе и при помощи языка) понятия могут быть выражены самыми разнообразными средствами, которыми располагает данный язык.

Одновременно с обогащением словарного состава происходит и совершенствование грамматического строя языка. Ведь сло-

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1953, стр. 23.

варный состав и грамматический строй находятся во взаимосвязи друг с другом, а грамматика языка, хотя она абстрагируется от частного и конкретного в словах и предложениях, существует в языке, представляющем собой язык слов,— на базе его лексики, развиваясь на основе словарного состава языка путем длительной, абстрагирующей работы человеческого мышления.

Словарный состав языка, при всем огромном количестве слов, в него входящих,— количестве слов, которого во всем его объеме не знает ни один человек, владеющий данным языком, как родным,— не представляет собой хаотической неорганизованной массы. Все слова данного языка группируются вокруг основного словарного фонда языка, используемого как основа его словарного состава. И. В. Сталин пишет: «Главное в словарном составе языка — основной словарный фонд, куда входят и все корневые слова, как его ядро. Он гораздо менее обширен, чем словарный состав языка, но он живёт очень долго, в продолжение веков и даёт языку базу для образования новых слов»¹.

Из положения И. В. Сталина о том, что корневые слова составляют ядро основного словарного фонда, можно, как отмечает акад. В. В. Виноградов, сделать вывод, что в основной словарный фонд помимо корневых слов входят также слова производные². Эти производные слова и являются теми словообразовательными типами, теми моделями, по которым происходит образование новых слов в разных сферах лексики.

Новые слова образуются от основ корневых и производных слов, входящих в основной словарный фонд, а также и от основ, находящихся за его пределами.

Основной словарный фонд даёт языку производящие основы и словообразовательные модели для образования новых слов. Эти словообразовательные модели входят в основной словарный фонд в виде производных слов, принадлежащих к продуктивным словообразовательным типам языка. Таким образом, основной словарный фонд является главной структурной базой лексики, основой обогащения и развития словарного состава языка.

Именно потому, что в основной словарный фонд в предшествующие периоды развития русского языка вошел в виде определенных своих представителей, например, словообразова-

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1953, стр. 23.

² См. В. В. Виноградов. Значение работ И. В. Сталина для развития советского языкознания, Сборник «Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина», изд. МГУ, 1952, стр. 42—43.

тельный тип существительных с суффиксом **-ец** (ср. *купец, писец; вдовец, мурдец; новгородец*), смогли быть образованы в словарном составе языка такие новые слова, как *комсомолец, партиец, ленинец, сталинец*.

Благодаря тому, что в основном словарном фонде в предшествующие эпохи развития русского языка существовали не только такие отглагольные имена с суффиксом **-ец**, как *писец*, (от *писать*), *купец* (от *купить*), но и такие, как *торговец* (от *торговать*), — на основе суффикса **-ец** развился новый суффикс **-овец**. Произошло это путем переразложения основ вследствие соотнесенности такого производного слова, как *торговец*, не только с глаголом *торговать* (от которого оно реально образовано), но и с существительным *торг*. Суффикс **-ов-** стал восприниматься не как принадлежащий к производящей основе (основе глагола *торговать*), но как входящий в состав именного суффикса **-овец**.

Выделившийся таким образом (в словах типа *торговец*) суффикс **-овец** и в настоящее время принадлежит к продуктивным словообразовательным средствам, ср. такие (старые) образования с этим суффиксом, как *орловец* (от *Орел*), *толстовец* (от *Толстой*) со словами *исполкомовец, вузовец, мхатовец*, образованными от новых (возникших уже после Великой Октябрьской социалистической революции) основ существительных *исполком, вуз, МХАТ*.

Существительные на **-овец** соотносятся с прилагательными с суффиксом **-овск-ий** (ср. *исполкомовец — исполкомовский, вузовец — вузовский* и т. п.). Суффикс **-овск-ий** также возник путем переразложения основ благодаря тому, что в основном словарном фонде наряду с прилагательным типа *отцов, дедов* и т. д. существовали образованные от основ этих последних прилагательные *отцовский, дедовский*. Как показывают новые образования с выделившимся в словах типа *отцовский* суффиксом **-овск-ий** (ср. *исполкомовский, мхатовский, жактовский* и т. п.), этот словообразовательный тип (как и словообразовательный тип имен лица с суффиксом **-овец**) также принадлежит к продуктивным типам.

Таким образом, «образование новых слов происходит по тем моделям, по тем словообразовательным типам, которые уже установились в языке или вновь возникают в связи с выделением новых основ и использованием новых аффиксальных элементов в связи с развитием и усовершенствованием системы словообразования»¹.

¹ В. В. Виноградов. Вопросы современного русского словообразования в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию, Современный русский язык, Морфология (курс лекций) под ред. акад. В. В. Виноградова, изд. МГУ, 1952, стр. 43.

Основной словарный фонд — это не только словообразовательная, но и семантическая основа словарного состава языка.

Такое слово общего словарного состава, как *скоростник*, образованное от основы прилагательного *скоростной* «через *скорость* базируется на относящемся к основному словарному фонду слове *скорый*, которое является опорным пунктом живой лексической группы: *скоро, наскоро, скорость, скоростной, ускорить — ускорять* и разнообразных рядов сложных слов с первой частью *скоро* — (*скороход, скороспелка* и т. п.)»¹. Все слова этой живой лексической группы соотносятся по значению с входящим в основной словарный фонд прилагательным *скорый*, основу которого они содержат.

Слова общего словарного состава связаны со словами основного словарного фонда в семантическом (а также в материальном и структурном отношении) либо непосредственно, как слово *скороспелка* связано со *скорый* — *скоро* и *спел* — *спелый*, либо через посредство других слов, как слово *скоростник* связано со *скорый* — *скоро* через слово *скоростной*.

С входящим в основной словарный фонд соответствующих языков словом русск. *земля*, нем. *Erde*, англ. *earth* непосредственно семантически соотносятся такие далеко отстоящие от основного словарного фонда глаголы терминологического характера, как русск. *заземлять*, нем. *erden* — «заземлять» и англ. *to earth* (с тем же значением). Эти глаголы, относящиеся к области электротехнической терминологии, в свою очередь послужили основой для образования таких терминов, как существительные русск. *заземление*, нем. *Erdung* (в английском языке здесь несколько иное положение, так как здесь имеется сложный термин *earth connection* «заземление», а не суффиксальное образование от основы *earth*-«земл'»). Эти образованные от глагольных основ существительные соотносятся, однако, не только с глагольными основами. Они семантически связаны также с основами существительных *земля, Erde*, входящими в основной словарный фонд соответствующего языка.

Если основа словарного состава языка, его основной словарный фонд, оказывает огромное и весьма разностороннее влияние на словарный состав и его развитие, то развитие словарного состава также отражается на развитии основного словарного фонда. Ряд возникших в словарном составе слов с течением времени проникает и в основной словарный фонд. Проникают в основной словарный фонд и новые, первоначально возникшие в словарном составе языка словообразовательные

¹ В. В. Виноградов. Об основном словарном фонде и его словообразующей роли в истории языка, Сб. «Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина», изд. МГУ, 1952, стр. 165—166.

типы, если эти типы превращаются в продуктивные модели словообразования. Изменение значений слов словарного состава, соотносящихся со словами основного словарного фонда, также не может не оказать определенного влияния на значение этих последних. Так, значение, которое приобрело слово *земля* в технике и которое мы видим в терминах *заземлять*, *заземление*, содержащих основу этого слова, безусловно в какой-то мере (косвенно) отразилось и на семантике слова *земля* в целом, обогатив это слово новым значением, характерным для технической терминологии, но взаимодействующим с другими значениями этого слова.

Словарный состав языка теснейшим образом связан не только с основным словарным фондом, но и с грамматическим строем языка, вместе с основным словарным фондом составляющим основу языка, сущность его специфики. Грамматика играет в языке организующую роль, которая выражается прежде всего в том, что слова всегда выступают в определенных, характерных для данного языка грамматических формах и сочетаются в предложении также по правилам грамматики.

Но этим организующая роль грамматики не ограничивается. Процесс и способы образования слов также теснейшим образом связаны с грамматикой. Характер словообразовательных средств языка находится в зависимости от характера его грамматического строя. Способы словообразования в языках разного строя (языках флективных, агглютинативных и т. п.) отличаются особенностями, типичными именно для данного строя.

Грамматика управляет словообразованием и в том отношении, что все новые слова всегда образуются, как грамматически оформленные единицы, как представители определенной части речи, связанной с соответствующими грамматическими категориями и соответствующим синтаксическим употреблением.

Как указывает акад. В. В. Виноградов, «новые слова подвоятся под активные грамматические категории, как бы управляют ими и используются в речи по правилам той же грамматики»¹.

В таких языках, как, например, русский, немецкий, латинский, греческий и другие языки индоевропейской семьи, принадлежащих по своему грамматическому строю к языкам флективным, в словообразовании, как и в формообразовании, используются флективные средства — аффиксация (префиксация и суффиксация) и встречается чередование звуков.

В русских словах *пекарь* и *печенье* мы имеем такое же чере-

¹ В. В. Виноградов. Значение работ товарища Сталина для развития советского языкознания, Сб. «Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина», стр. 39—40.

дование согласных, как и в грамматических формах глаг *а печь* (ср. *печу* — *печешь*).

В немецких словах: 1) *Gebirge* «горы», «гористая местность», «горная цепь» (от основы *Berg* — «гора») и 2) *Gelände* «местность» (от основы *Land* — «страна», «земля») мы имеем такое же чередование гласных, как в грамматических формах, Ср. 1) *ich gebe* «я даю», *du gibst* «ты даешь» (е : i, как в *Berg* — *Gibirge*); 2) *das Land* (ед. ч.) — *die Länder* (мн. ч.) (а : ä, т. е. [a] : [ɛ] как в *Land* — *Gelände*).

Многие слова точно так же образованы при помощи суффиксации, как и различные грамматические формы; ср. 1) образование таких слов, как имена деятелей в различных языках, например, русское *читатель* (от основы глагола *читать*), немецкое *Leser* «читатель» (от основы глагола *lesen* «читать»); или русское *рисовальщик* (от основы глагола *рисовать*), французское *dessinateur* «рисовальщик» (от основы глагола *dessiner* — «рисовать»); или русское *мыслитель* (от основы глагола *мыслить*), немецкое *Denker* (от основы глагола *denken* — «мыслить», «думать»), английское *thinker* «мыслитель» (от основы глагола *to think* — «мыслить», «думать»), — и 2) образование таких грамматических форм разных частей речи, как сравнительная степень прилагательных или множественное число существительных, или же, наконец, третье лицо единственного числа настоящего времени глагола, где соответствующая флексия может также рассматриваться как «суффикс», поскольку флексия — это формант, присоединяемый к основе слова в его конце, как и суффикс. Ср. русское *ясный* — *яснее*, немецкое *klar* — *klarer* «ясный — яснее», «прозрачный — прозрачнее», и английское *clear* — *clearer* с тем же значением; русское *стол* — *столы*, немецкое *Tisch* — *Tische* «стол — столы», и английское *table* — *tables* с тем же значением; русское *он работает*, немецкое *er arbeitet* «он работает», и английское *he works* с тем же значением.

Необходимо также отметить, что хотя между флексиями и формообразовательными суффиксами имеются определенные различия, но и те, и другие служат изменению слов и между ними не существует непреходимых границ. Так, например, флексии ряда падежей существительных одновременно выражают и категорию числа (ср. *стола* — род. пад. ед. числа и *столов* — род. п. мн. числа), выполняя функцию суффикса множественного числа и функцию падежной флексии.

С другой стороны, формы слов часто служат для лексико-семантической дифференциации. Ср. такие случаи, как *дерево* — вещество, материал и *дерево* — растение (где данные значения формально не разграничены) и форму множественного числа *деревья*, указывающую также и на значение, в котором высту-

пают данная лексическая единица и выполняющую таким образом роль, очень близкую к словообразовательной, если не считать *дерево* — материал и *дерево* — растение омонимами, или даже роль словообразовательную, если признать здесь омонимию.

Во французском языке параллелизм между суффиксальным образованием слов и суффиксальным образованием форм, о котором говорилось выше, в значительной мере уже нарушен: во французском языке гораздо большую роль, чем, например, в языке немецком, играют аналитические формы. Так, в частности, образование сравнительной степени от большинства прилагательных происходит не синтетическим, а аналитическим путем (например, *plus clair* «яснее», ср. с русским *более ясный*). Различие между единственным числом *table* «стол» и множественным числом *tables* «столы» — в настоящее время различие чисто орфографическое, так как в произношении здесь нет никакой разницы (что отражает отсутствие различия между этими формами) и категория числа выражается не синтетической формой слова, а аналитическим путем — посредством артикля: ед. ч. *la table*, мн. ч. *les tables*. Орфографическое различие между *la table* и *les tables* здесь является отражением реального различия этих форм в более древнюю эпоху развития языка.

Однако между формообразующими и словообразующими средствами языка все же нет полного параллелизма. И в других индоевропейских языках (помимо французского), каждая из этих сфер языка (формообразование и словообразование) имеет свою специфику¹. Так, например, для формообразования совершенно не характерно словосложение (или вернее основосложение), используемое как один из способов словообразования. Грамматических форм, состоящих из нескольких (двух) основ, ни в русском, ни в немецком, ни в английском языках не существует. Такие аналитические формы, как русск. *я буду писать*, нем. *ich werde schreiben* «я буду писать» и англ. *I will write* (с тем же значением), соответствуют по своей структуре не сложным словам, а фразеологическим единицам, так как каждый их компонент оформлен как слово, а не выступает в виде основы, как часть сложного слова. Ср., с одной стороны, русск. *железобетон*, *железобетона* и т. п. (сложное слово) и *железная дорога*, *железной дороги* и т. п. (фразеологическая единица) и, с другой стороны, такую аналитическую

¹ См. В. В. Виноградов. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии, Сборник «Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию», изд. Акад. Наук СССР, 1952; см. также мою статью «О словообразовании и его отношении к грамматике» в том же сборнике.

форму, как *я буду писать, ты будешь писать*, где вспомогательный глагол *быть* изменяется по характерным для глагола правилам и ведет себя, следовательно, аналогично тому, как прилагательное *железный* во фразеологической единице *железная дорога*, с той только разницей, что прилагательному, естественно, свойственны другие формы, чем глаголу. В сложном же слове *железобетон, железобетона* и т. п. первый компонент выступает не как самостоятельно оформленное слово, а как основа, входящая в цельнооформленное слово *железобетон*¹.

Все слова, в том числе и такие существительные, как русское *читатель*, немецкое *Leser* «читатель», и английское *reader* «читатель» или русское *мудрость*, немецкое *Weisheit* «мудрость» и английское *wisdom* «мудрость», образуются как представители соответствующей части речи при помощи характерных именно для данной части речи словообразовательных средств. Так, русские суффиксы *-тель* и *-ость*, немецкие *-er* и *-heit*, английские *-er* и *-dom* — это суффиксы существительных, а их присоединение к той или иной основе одновременно служит и указанием на то, что образованное слово является существительным, принадлежащим к определенному классу слов внутри этой части речи, в данном случае — к именам действующих лиц (*читатель* и т. п.) и к отвлеченным существительным, являющимся названиями качеств или свойств (*мудрость* и т. п.). Эти и подобные им производные слова, образованные от основ разных частей речи (*читатель* — от глагольной основы, *мудрость* — от основы прилагательного) образуются именно как существительные и сразу же подводятся под все грамматические категории, характерные для данной части речи (существительного) — категории рода, числа и падежа. Присоединение определенных суффиксов к различным основам, относя соответствующее слово к определенному классу слов (указание на который содержится в присоединяемом суффиксе), влечет за собой включение данного слова и в соответствующую парадигму, если оно является изменяемым, так как каждое изменяемое слово представляет собой целую систему форм. Так, например, *читатель* — это лишь одна из форм данного слова, которое характеризуется целым рядом форм — *читатель, читателя, читателю, читатели* и т. п. Словообразовательный суффикс *-тель* указывает на класс имени существительного (имя деятеля или орудия действия, ср. *выключатель*), на его род, на то, что данное производное слово

¹ См. А. И. Смирницкий. К вопросу о слове. (Проблема «отдельности слова»), Сборник «Вопросы истории и теории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию», изд. Акад. Наук СССР, 1952, стр. 197—203.

принадлежит именно к данному (мягкому) склонению существительных мужского рода.

Необходимо, однако, отметить, что наряду со словообразовательными средствами, связанными с определенными классами слов и, следовательно, содержащими указание именно на данный разряд слов, имеются и такие, которые такого указания не содержат, так как они применяются в сфере различных частей речи. Это относится прежде всего ко многим префиксам и частицам префиксального характера, используемым в сфере разных частей речи. Ср. русские слова **разобидеть**, **расхвалить**, **распрекрасный**, **раскрасавица** или **архиплут**, **архинервный**.

Таким образом, имеются и словообразовательные средства, не содержащие прямого указания на определенную часть речи и до известной степени грамматически «нейтральные», хотя большинство аффиксов (не только суффиксов, но и префиксов) этой нейтральности не обнаруживает. Ср., в частности, такой префикс, как **воз-** (**вос-**), являющийся исключительно глагольной приставкой и указывающий поэтому на принадлежность данной основы к глаголу, например, **возвысить**, **возглавить**, **воспеть**, **восстановить**. В русском языке вообще большинство префиксов — глагольные. И такой префикс, как **раз-** (**рас-**) из глагольной сферы распространился в именную. Что же касается **архи-**, то здесь мы имеем дело с заимствованным префиксом, проникшим в русский язык из греческого (непосредственно или через латинский) вместе с некоторыми заимствованными словами, а затем начавшим сочетаться и с русскими основами.

Словообразование соприкасается с грамматикой еще и в другом плане. Для словообразования, как и для грамматики, характерна абстракция, хотя абстракция, которая выступает в значении словообразовательных типов, и носит несколько иной характер, чем абстракция, связанная со значением грамматических форм.

Обобщение, абстракция вообще характерны для языка в целом. Как указывает В. И. Ленин, «В языке есть только *общее*»¹. Каждое слово, каждое существительное (нарицательное), прилагательное, глагол и т. п. является результатом обобщения, без которого невозможен ни один язык. Такие существительные, как русск. *книга* и соответствующие слова с тем же значением в других языках (нем. *Buch*, англ. *book*, франц. *livre*) или русск. *дерево*, нем. *Baum*, англ. *tree*, франц. *arbre*, в своем значении содержат указание на соответствующий предмет как на представителя целого класса однородных

¹ В. И. Ленин. *Философские тетради*, Госполитиздат, 1947, стр. 258.

предметов¹. Такие прилагательные, как русск. *зеленый*, нем. *grün*, англ. *green*, франц. *vert*, обозначают определенный (имеющий весьма разнообразные оттенки) цвет, как свойство самых разнообразных предметов. Ср. *зеленое дерево, зеленая трава, зеленый лист, зеленая крыша, зеленая краска, зеленая материя* и т. п.

Мы не употребляем для каждой книги, которую мы видим или берем в руки, особого названия, но обозначаем каждую книгу словом *книга*. Мы не пользуемся для обозначения цвета *зеленой материи* другим прилагательным, чем для обозначения цвета *зеленой листвы*. То, что для обозначения однородных предметов, явлений и однородных свойств используются одни и те же слова, а не создаются каждый раз новые, свидетельствует об обобщении, характерном для любого языка.

Однако абстракция, типичная для словообразования,— в первую очередь для различных типов производных слов,— отличается от обобщения, которое связано со значением слов, непродеривных с точки зрения современного языка. Отличие это заключается в том, что производное слово является не только обозначением предмета или явления во всех случаях, когда мы с этим предметом и явлением имеем дело, но одновременно содержит и указание на определенный класс слов, принадлежащих к соответствующему словообразовательному типу, причем общее значение словообразовательного типа абстрагируется от конкретного значения данного слова.

Русские слова *читатель, учитель*, немецкие *Leser, Lehrer*, английские *reader, teacher* являются обозначениями соответствующих действующих лиц, деятелей. На то, какие это деятели, к какой сфере относится их деятельность, указывает производящая основа соответствующего слова; суффикс же, посредством которого данные слова образованы, словообразовательный тип, связанный с этим суффиксом, имеет общее значение *действующего лица*, значение *деятели* вообще, т. е. значение, которое во всех этих случаях абстрагируется от частного значения именно данного слова, подобно тому как значение дательного падежа, напр., в таких случаях, как *человеку, дому, дереву*, абстрагируется от лексического значения этих слов (*человек, дом, дерево*). Таким образом, между абстракцией в грамматике и абстракцией в словообразовании есть нечто общее, хотя, конечно, наблюдается и определенное различие. Словообразовательная абстракция характерна своей лексической направленностью. Она тесно связана с лексическим значением данного слова.

¹ См. П. С. Кузнецов. Введение в морфологию, «Современный русский язык. Морфология», изд. МГУ, 1952, стр. 24.

Стахановец, вузовец, мхатовец — названия определенных лиц, всему же словообразовательному типу свойственно общее значение лица. *Мудрость, осторожность, бдительность* — названия соответствующих свойств, словообразовательный же тип в целом является обозначением свойства вообще. Определенное лицо и лицо вообще, определенное свойство и свойство вообще — понятия, близкие друг другу.

Иной характер носит грамматическая абстракция в таких, например, случаях, как падеж существительного или лицо глагола. В таких падежных формах, как *человеку, человеком; дому, домом*, основа слова указывает на определенный (одушевленный или неодушевленный) предмет, а падежная форма, падежная флексия — на определенное отношение данного слова к другим словам в предложении. В таких глагольных формах, как *я пишу, ты пишешь, я рисую, ты рисуешь* (формах лица), основа глагола обозначает соответствующее действие, а форма лица — лицо (по отношению к акту речи), которым совершается данное действие.

Таким образом, общее абстрактное значение этих грамматических форм по характеру очень сильно отличается от частного значения данных слов, выступающих в этих формах. Это общее значение, значение отношения, представляет собой более высокую степень абстракции по сравнению с абстракцией, которая характерна для словообразовательных типов. Грамматическая абстракция (в целом), следовательно, является более высокой степенью абстракции, чем абстракция словообразовательная. Это положение, однако, действительно лишь в целом, так как и в словообразовании, и в грамматике мы в разных случаях имеем дело с разной степенью абстракции. Так, например, такая форма существительного, как форма множественного числа, не обозначает отношения и по характеру свойственного ей общего значения приближается к словообразовательным типам, почему эта форма (ср. русск. *столы, дома́*, нем. *Tische, Häuser*, англ. *tables, houses*) обычно относится к формам не собственно грамматическим, а *лексико-грамматическим*, некоторыми лингвистами она даже считается формой словообразовательной, а не грамматической.

Как показывает все предыдущее рассмотрение, словообразование при всей своей лексической направленности теснейшим образом соприкасается с грамматикой, которой оно управляется и с которой оно связано многими, характерными и для той и для другой сферы языка чертами. Вследствие этого словообразование некоторыми лингвистами просто целиком включается в грамматику, что не может, однако, считаться правильным, так как словообразование связано с лексикой еще более прочными связями, чем с грамматикой. Акад. В. В. Виноградов, отмечая

несомненную связь словообразования и грамматики, указывает, однако, и на прочную связь словообразования с лексикой и следующим образом определяет место словообразования в системе языка: «Словообразование является, с одной стороны, связующим звеном между основным словарным фондом и грамматикой языка, а с другой, оно определяет формы и виды связей и взаимодействий основного словарного фонда с общим словарным составом языка»¹.

II

В русском языке различают следующие основные виды словообразования:²

1. Морфологическое словообразование, пользующееся для образования слов теми же средствами, что и грамматика (морфология) для образования форм слов.

Морфологическое словообразование в свою очередь подразделяется на несколько типов, основные из которых следующие:

а) **Фонетико-морфологический, безаффиксный** тип, имеющий место, когда образование слова от основы другого слова происходит при помощи фонетических средств (чередования и смягчения последнего согласного основы, переноса ударения), причем эти фонетические средства указывают на принадлежность слова к определенному классу слов, характеризующему соответствующими формами. Сюда в русском языке относятся такие случаи, как *рвань* (от основы прилагательного *рваный*); *тишь* (от основы прилагательного *тихий*), *нечисть* (от основы прилагательного *нечистый*),

б) **Суффиксальный** тип, характеризующийся присоединением суффиксов к производящим основам. Сюда относятся такие случаи, как *читатель*, *учитель*, *комсомолец*, *вузовец*, *прокатчик*, *разбирательство*, *мудрость* и т. п.

в) **Префиксальный или приставочный** тип, характеризующийся присоединением префиксов (приставок) к производящим основам, например: *выбежать*, *высказать*, *выбросить*, *перескочить*, *пересмотреть*, *усмотреть*, *возвысить*, *разхвалить*, *развеселый*, *распрекрасный* и т. п.

г) **Смешанный, суффиксально-префиксальный** тип, например, *взгорье*.

2. Синтаксическое словообразование, куда относится в первую очередь словосложение (или, точнее, основосложение).

¹ В. В. Виноградов. Труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» и развитие советской науки о языке, изд. «Правда», 1951, стр. 20.

² См. В. В. Виноградов. Вопросы современного русского словообразования в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию, «Современный русский язык. Морфология», изд. МГУ, 1952, стр. 44—47.

Здесь сразу же необходимо отметить, что чисто синтаксического словообразования в языке быть не может, так как, например, в словосложении (основосложении) мы имеем дело не с сочетанием слов, как оно осуществляется в предложении, но с сочетанием основ слов. Разница между словосочетанием и сложным словом со стороны их формы именно в том в основном и заключается, что в словосочетании каждое слово оформлено как слово, а в сложном слове составляющие его основы выступают как единый комплекс: *паровой котел*, *парового котла* и т. п. (словосочетание) и *парораспределение*, *парораспределения* (сложное слово) и т. д. (См. стр. 13.)

Ввиду этих различий между словосочетанием и словосложением правильнее по отношению к словосложению говорить не о синтаксическом, а о синтаксико-морфологическом словообразовании.

К морфолого-синтаксическому словообразованию принадлежит, в частности, субстантивация прилагательных, например, *больной*, *столовая*, или субстрантивизация инфинитивов, ср. немецкие *lesen* «читать», и *das Lesen* «чтение». Здесь мы имеем дело с использованием формы одной части речи в функции слова, принадлежащего к другой части речи. Так, при субстантивации инфинитива *lesen* — *das Lesen* данная (неличная) форма глагола превращается в существительное и приобретает характерные для этой части речи формы словоизменения. Формообразующий суффикс инфинитива превращается тем самым в суффикс словообразующий. Аналогичный процесс мы имеем при адвербиализации падежных форм существительного, сопровождающейся или не сопровождающейся переносом ударения, например, *бегóм*, *кругóм*, *авáнсом*, *рядóм* и т. п.

3. Семантическое словообразование заключается в семантическом обособлении разных значений одного и того же слова, в образовании омонимов¹ на основе многозначности слов. Так, например, возникли омонимы — *дача*₁ (*дача* *взаимы*, т. е. «предоставление») и *дача*₂ (*хорошая дача*, т. е. «загородный дом»). Пока (в прошлом) между тем и другим значением имелась семантическая связь, можно было говорить о многозначности данного (одного) слова. В настоящее время, когда связь эта утратилась, мы имеем дело уже не с двумя значениями одного и того же слова, а с двумя разными (но одинаково звучащими) словами — омонимами².

¹ Т. е. в образовании совпадающих по своему звучанию разных слов.

² Подробнее о разных способах словообразования см. В. В. Виноградов. Вопросы современного русского словообразования в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию, «Современный русский язык. Морфология», курс лекций под ред. акад. В. В. Виноградова, изд. МГУ, 1952,

Семантическое словообразование сильно отличается по своей специфике от морфологического и синтаксического словообразования. Семантическое словообразование представляет собой результат длительного семантического развития различных значений того или иного слова. Путем же морфологического и синтаксического словообразования слова — когда это окажется необходимым — могут быть сразу образованы по имеющимся в языке продуктивным словообразовательным моделям.

Помимо приведенной выше классификации словообразование может быть также подразделено на словосложение и словопроизводство, причем к последнему относятся все виды словообразования, не входящие в словосложение.

Далеко не во всех (даже родственных) языках имеются все перечисленные выше типы словообразования. Так, в немецком языке, например, в системе имени отсутствует фонетико-морфологический тип, имеющийся в русском языке.

Немецкие отглагольные существительные, такие как *der Schnitt* «разрез», «порез», «покрой» (от основы глагола *schneiden* «резать», «кроить»), лишь на первый взгляд кажутся принадлежащими к этому типу, потому что в них нет фонетических изменений по сравнению с основой соответствующего глагола (в данном случае глагола *schneiden*). Они образованы от основы прошедшего времени этого (сильного) глагола, основные формы которого следующие: *schneiden* — *schnitt* — *geschnitten*. Таким образом слова типа *der Schnitt* отличаются от слов типа *der Lauf* «бег» (от основы глагола *laufen* — *lief* — *gelaufen* «бегать») только тем, что они образованы от основы прошедшего, а не настоящего времени. Ничем принципиально не отличаются они и от слов типа *der Besuch* «посещение» (от (слабого) глагола *besuchen* — *besuchte* — *besucht* «посещать»). Различие между *Schnitt* и *Besuch* не имеет отношения к типу словообразования и связано с морфологическими особенностями самих глаголов — сильных глаголов, с одной стороны (разные группы которых имеют разные чередования звуков, главным образом гласных), и слабых глаголов, с другой стороны, где никаких чередований звуков нет.

В таком слове, как *der Wurf* «бросок» (от *werfen* — *warf* — *geworfen* «бросать») имеется, правда, изменение гласного, по сравнению с глаголом, однако это исторически объясняется тем, что глагольная форма с гласным *и* (которая имела в древности и от которой образовано слово *Wurf*) из языка

стр. 44—47. Его же. Словообразование имен существительных. Общая характеристика, Грамматика русского языка, т. I, изд. АН СССР, 1952. Его же. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии, Сборн. «Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию», изд. АН СССР, 1952.

исчезла; но и с точки зрения современного языка здесь тоже нельзя говорить о фонетико-морфологическом типе, так как изменение гласного в этом слове ни на какие морфологические особенности (другие, чем, например, у *Schnitt, Lauf* и *Besuch*) не указывает. Все эти слова относятся к так называемому сильному склонению.

Слова этого рода принадлежат к морфологическому типу словообразования, причем слова *Schnitt, Lauf, Besuch* образованы посредством так называемой конверсии¹. К конверсии относятся все случаи словообразования, где мы имеем дело с переводом основе из одной части речи в другую путем включения этих основ в другую парадигму без применения каких бы то ни было других словообразовательных средств (словообразующих суффиксов или префиксов). Сюда относится, например, такое образование глаголов от основ прилагательных, как *зеленеть* (от *зеленый*) или *краснеть* (от *красный*), где основа *зелен-* теряет формы словоизменения, характерные для прилагательного, и приобретает формы словоизменения, характерные для глагола (ср., напр., *зеленая травка, зеленой травки* и *травка зеленеет*; ср. также *красные яблоки* и *яблоки краснеют*).

Поскольку при конверсии словообразующую роль выполняют средства словоизменительные — морфологические (система личных окончаний у глаголов, образованных от имен, ср. *я краснею, ты краснеешь, он краснеет* и т. п.; или система падежных окончаний у отглагольных существительных, ср. *der Schnitt, des Schnitt(e)s* и т. п. в приведенном выше случае из немецкого языка), данный способ словообразования следует считать морфологическим.

От конверсии в собственном смысле несколько отличается такой вид словообразования, как, например, субстантивация инфинитива в немецком языке — *das Lesen* «чтение» от *lesen* «читать», или адвербиализация падежной формы существительного — напр., адвербиализация существительного в творительном падеже в русском языке (*рядом, кругом*) или существительного в родительном падеже в немецком языке *abends* «вечером», «по вечерам»; *morgens* «утром», «по утрам». Отличие от конверсии заключается здесь в том, что в другую часть речи переводится не основа данной части речи, а только одна из форм этой части речи с сохранением характерного именно для данной формы суффикса или флексии, которые превращаются при этом в словообразующие суффиксы.

¹ См. А. И. Смирницкий. Так называемая конверсия и чередование звуков в английском языке. «Иностр. языки в школе» № 5, 1953, особенно стр. 24—25.

В каждом языке следует различать продуктивные и непродуктивные — для данного этапа развития языка — словообразовательные типы и словообразовательные средства. Продуктивными словообразовательными типами являются только такие, которые в данную эпоху служат моделью для образования новых слов.

Так, например, в современном русском языке продуктивным типом отглагольных производных существительных для обозначения лиц мужского пола по их действиям, профессии, ремеслу является, в частности, тип с суффиксом **-щик (-чик)** — *наборщик* (набор), *браковщик* (браковать), *зимовщик* (зимовать), *разведчик* (разведать), *летчик* (летать). В книжной лексике в этой функции выступает суффикс **-тель**. Ср. *испытатель* (испытать), *вдохновитель* (вдохновить).

Продуктивным является также упомянутый ранее словообразовательный тип отыменных существительных мужского рода с суффиксом **-овец (-евец)**, обозначающих лиц, в частности, лиц по отношению к какой-либо организации или какому-либо учреждению. Ср. *искровец* («Искра»), *рабфаковец* (рабфак), *вузовец* (вуз), *метростроевец* (Метрострой).

Продуктивные типы, т. е. такие, которые пополняются в современном языке новыми словами, не следует смешивать с непродуктивными типами, словообразовательная структура которых еще живо воспринимается и которые иногда широко представлены в языке, но по образцу которых слов уже не образуется. Такими живыми, но непродуктивными типами являются два приведенных выше (стр. 8) словообразовательных типа с суффиксом **-ец** (существительные, образованные от глагольных основ и основ прилагательных, такие, как *писец*, *жнец*, *чтец*, с одной стороны, и *мудрец*, *скупец*, *старец*, с другой).

Наряду с живыми, но непродуктивными словообразовательными типами в языке имеются и типы пережиточные, представленные единичными словами, иногда утрачивающими или даже уже утратившими производность словообразовательной структуры и переходящими, или перешедшими, в разряд слов непродуктивных. Таким пережиточным типом является, например, тип отглагольных имен действующих лиц мужского рода на **-ль**, например, *враль*, *коваль*. В этом типе, несмотря на немногочисленность принадлежащих к нему слов и ограниченную сферу их употребления (разговорная и профессиональная лексика), суффикс **-ль** еще до известной степени воспринимается. Иное положение мы имеем в словах *петух* и *пастух*, где (особенно в первом слове) производность словообразовательной структуры настолько стерлась и побледнела, что суффикс **-тух** выделяется в них лишь при специальном их рассмотрении. При употребле-

нии же этих слов говорящими в повседневной речи производность их основ не воспринимается так живо, как, например, в словах *писец, мудрец* и т. п. А слово *петух* обычно даже вообще не воспринимается как производное, так как живая семантическая связь с глаголом *петь* в нем в значительной мере уже утрачена. Подобные словообразовательные типы характеризуются акад. В. В. Виноградовым как «замершие типы словообразования»¹.

Помимо словообразовательных типов, утративших свою продуктивность, следует, как указывает В. В. Виноградов, различать такие типы, продуктивность которых ограничена лексическим значением основ, от которых образуются слова, принадлежащие к этим типам. Так, суффиксы прилагательных *-ат-* и *-аст-* образуют слова в основном лишь от основ существительных, обозначающих принадлежности тела или организма живых существ; ср. *бородатый — бородастый, усатый — усастый, щекастый, глазастый* и т. п.².

В словарном составе языка, находящемся в состоянии непрерывного изменения, одни слова и словообразовательные типы отмирают, а другие нарождаются вновь, и поэтому соотношение между производными и непроизводными основами меняется. Такие слова, как, например, *столица* или *леденец*, не ассоциируются больше с основами слов *стол* или *лед* — *ледяной* и не воспринимаются больше как производные³.

Переход от одного качества к другому происходит в языке не мгновенно, не путем взрыва, а «путём постепенного и длительного накопления элементов нового качества, новой структуры языка, путём постепенного отмирания элементов старого качества»⁴. Поэтому утратившие свою продуктивность словообразовательные типы живут в языке очень долго. Непродуктивные типы сохраняются в течение длительного времени в тех (иногда многочисленных) словах, которые были образованы в ту эпоху, когда данный тип еще служил продуктивной моделью словообразования.

Снижению продуктивности и возможному отмиранию того или иного типа способствуют разные причины, например, выпадение из словаря устаревших производных слов, принадлежащих к данному типу. Ср., в частности, такой случай,

¹ См. В. В. Виноградов. Вопросы современного русского словообразования в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию, «Современный русский язык. Морфология», курс лекций под ред. В. В. Виноградова, 1952, стр. 51.

² См. там же.

³ См. там же, стр. 48—50.

⁴ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1953, стр. 27.

как слово *питух* (от глагольной основы *пить*), представляющее собой в современном языке архаизм. Другой причиной отмирания словообразовательных типов является побледнение семантической структуры слов, к ним принадлежащих, что объясняется деэтимологизацией вследствие выпадения из языка основ, от которых соответствующие производные слова образованы, или семантическим разрывом между производным словом и производящей основой. Первое мы имеем, например, в таком слове, как *кольцо*, представляющем собой уменьшительное от основы исчезнувшего слова *коло*¹. Аналогичный случай представляет немецкое *Ferkel* «поросенок» (от основы исчезнувшего слова *farh, farah*, «свинья», «поросенок», родственного русскому слову *поросля, поросенок*). Современное *Ferkel* по происхождению такое же уменьшительное (с суффиксом *-el*) к *farh*, как *кольцо* — уменьшительное к *коло*. Ни в том, ни в другом случае значение уменьшительности, естественно, уже восприниматься не может (так как соответствующие производящие основы из языка исчезли), и эти слова с точки зрения современного состояния соответствующего языка являются непроизводными.

Семантический разрыв между производным словом и производящей основой мы имеем в таком слове, как *крыльцо*, которое по происхождению является уменьшительным от основы слова *крыло*². Благодаря изменению своего значения слово *крыльцо* больше как уменьшительное к *крыло* не воспринимается и является с точки зрения современного русского языка непроизводным словом. Аналогичное явление мы наблюдаем и в слове *петух*, семантически оторвавшемся от основы глагола *петь*.

Непроизводные (простые или корневые) с точки зрения современного языка слова имеют совершенно другую специфику, чем слова производные. Непроизводные слова (точнее, непроизводные основы, так как словом является вся совокупность его форм) (см. выше стр. 13), связаны с определенным значением всем своим звучанием в целом. Связь эта является условной, немотивированной и опирается на длительную традицию. Обозначая соответствующий предмет звуковым комплексом *дом*, мы не можем сказать, почему мы данное значение связываем именно с этим звучанием.

Иначе обстоит дело с основами производными, например, с основой слова *учитель*. Их значение складывается из лексического значения производящей основы (основы глагола *учить*)

¹ См. Л. А. Булаховский. Деэтимологизация в русском языке, Труды Института русского языка АН СССР, т. I, 1949, стр. 152—153.

² Там же.

и общего значения данного словообразовательного типа (типа с суффиксом **-тель**, являющегося именем деятеля). Общее значение словообразовательного типа с суффиксом **-тель** показывает, что *учитель* — имя деятеля, а значение производящей основы показывает, какой это деятель¹.

Таким образом, производная основа, превращаясь в непроедную, приобретает совершенно другую специфику².

Все подобные процессы протекают в языке очень медленно и не сразу ведут к утрате соответствующим словообразовательным типом его продуктивности. Так, в частности, если словообразовательный тип с суффиксом **-тух** в современном русском языке является уже явно пережиточным, то этого нельзя сказать о словообразовательном типе с суффиксами **-цо**, **-це**, **-ецо**, **-ице** (ср. *деревцо*, *болотце*, *пальцецо*, *маслице*, *креслице*, *платьице*), который еще является живым и потенциально продуктивным, хотя его продуктивность и ограничена определенным кругом основ (основ среднего рода на **-о** и **-ье**, которых в языке не так уж много).

На смену старым, отмирающим словообразовательным типам в языке развиваются новые типы, причем развиваются эти типы в соответствии с внутренними законами развития данного языка.

Так, для русского языка, например, характерно развитие новых типов морфологического (суффиксального) словообразования путем возникновения новых вариантов имеющих уже в языке суффиксов на базе переразложения основ.

Так, например, суффикс отвлеченных имен существительных **-ств-о** положил начало суффиксу **-тельств-о**. Ср. *авторств-о*, *верхоглядств-о*, *разбирательств-о*, *вмешательств-о*.

Происхождение суффикса **-тельств-о**, благодаря присоединению к суффиксу **-ств-о** суффикса **-тель** от производящей основы, обозначающей деятеля, очевидно. Ср. *водитель-ство*, *строитель-ство* (где имеется двойная соотношенность — с основами глаголов *водить* и *строить* и с основами существительных *водитель* и *строитель*) и *разбирательство* или *вмешательство* (где имеется соотношенность только с основой соответствующего глагола, так как слов *разбиратель* или *вмешатель* не существует). Если слова типа *строительство* можно еще рассматривать и как образованные при помощи суффикса **-ств-о** от основ существительных на **-тель** (в данном случае от основы существительного *строитель*) и как образованные от основ

¹ Однако значение производных основ также не во всех случаях является мотивированным, см. Н. М. Шанский. Основы словообразовательного анализа, Учпедгиз, 1953, стр. 22.

² Подробнее о производных и производных основах см. Н. М. Шанский. Цит. работа, стр. 17—38.

глаголов при помощи суффикса **-тельств-о** (в данном случае от основы глагола *строить*), то такие слова, как *разбирательство* или *вмешательство*, можно рассматривать только лишь как отглагольные существительные, образованные при помощи суффикса **-тельств-о**, возникшего в результате переразложения основ в таких словах, как *водительство*, *строительство* и т. п.

Этим же путем развились суффиксы **-овщик** и **-льщик**, из **-щик**, ср. *арматурщик* и *фруктовщик*, *строгальщик*.

В немецком языке развитие новых суффиксов происходит в общем иначе, чем в русском языке. Переразложение основ в этом языке хотя и встречается, но все же сравнительно редко. Путем переразложения основ здесь возникли такие суффиксы, как **-erei** из **-ei** или **-ler** из **-er**. Суффикс **-ei** мы имеем, например, в таких словах, как *Bäckerei*, «пекарня», «пекарное дело». Это слово образовано от имени деятеля *Bäcker* — «пекарь». Но так как *Bäcker* образовано от основы глагола *backen*, «печь», то слова типа *Bäckerei* имеют двойную соотнесенность (с *Bäcker* и *backen*). Благодаря этому в словах данного типа произошло переразложение основ: **-er** оторвалось от производящей основы и присоединилось к суффиксу **-ei**. Так возник новый суффикс **-erei**, при помощи которого можно образовать существительное непосредственно от глагольной основы (или от именной основы, не являющейся именем деятеля, с суффиксом **-er**). Ср. *Lauferei* «беготня», «беганье» от основы глагола *laufen* и *Schelmerei* «плутовство» от основы существительного *Schelm*, «плут».

Аналогичным образом возник и немецкий суффикс **-ler**, который мы имеем, например, в таком слове, как *Wissenschaftler* «научный работник» (от основы *Wissenschaft* «наука»). А именно: **-l-** (в других словах) оторвалось от производящей основы и присоединилось к суффиксу лица **-er**, благодаря чему стали возможны образования уже с суффиксом **-ler**. Это видно хотя бы на примере такого выпавшего из языка слова, как *Säckler*, «ремесленник-кошелёчник» (от основы *Säckel*, также исчезнувшей из языка, — «кошель», «кошелёк»). Поскольку *Säckel* — уменьшительное от *Sack* «мешок», то *Säckler* имело двойную соотнесенность — не только с *Säckel*, от основы которого оно реально образовано, но и с *Sack*, от основы которого образовано *Säckel*. Аналогичная картина наблюдается и в другом устаревшем слове — *Gürtler* «ремесленник, изготавливающий пояса», соотносимом с *Gürtel* «пояс», и *Gurt* (с тем же значением). Таким образом, в результате переразложения основ из **-er** возник суффикс **-ler**.

Для немецкого языка, однако, характерно не столько развитие новых суффиксов из старых путем переразложения основ, сколько развитие суффиксов из основ, являющихся вторыми компонентами сложных слов.

Таково, в частности, происхождение суффикса существительных — *heit* (ср. *Kindheit* «детство», *Freiheit* «свобода»), восходящего к основе исчезнувшего из языка древнего существительного *heit* «лицо», «положение», «состояние», «сословие», «свойство». Аналогичным путем возник и суффикс прилагательных — *lich* (ср. *männlich* «мужской», *brüderlich* «братский»), восходящий к основе древнего, исчезнувшего из языка существительного *iih* «тело», «образ». По этому же пути развиваются и такие (вторые) компоненты сложных слов, как, напр., *-mann* (ср. *Zeitungsman* «газетчик», «газетный работник»), *-voll* (ср. *taktvoll* «тактичный») и др. Однако чем завершится это развитие, неизвестно. Пока слова с этими компонентами следует рассматривать как сложные (а не как суффиксальные) слова, а сами эти компоненты — как основы, так как они соотносятся с соответствующими словами (*-mann* — с существительными *der Mann* «мужчина», «человек», а *-voll* — с прилагательным *voll* «полный»).

Производные и сложные слова, группирующиеся вокруг одной и той же производящей основы, составляют словообразовательные ряды или цепи слов. Из этих рядов, включающих продуктивные и непродуктивные словообразовательные типы, особенно важно выделить продуктивные словообразовательные модели и выяснить их специфику.

Проблему эту предстоит разрешить советской науке, изучающей языковые явления с марксистских позиций, так как буржуазные ученые этим вопросом либо совсем не занимались и не занимаются, либо занимались и занимаются, исходя из ошибочных немарксистских методологических положений.

Интересной, также недостаточно еще разработанной проблемой является вопрос о преобразовании форм слов в слова. Ср., например, такие наречия, как *авансом*, *рядом* и т. п., возникшие на основе падежной формы существительного (формы творительного падежа), где произошло преобразование формообразующего форманта (флексии творительного падежа) в формант словообразующий (словообразующий суффикс).

Случаи превращения падежной формы в новое слово (в наречие) встречаются в различных языках. Ср. немецкие наречия, возникшие из формы родительного падежа существительного: *morgens* «утром», «по утрам», *abends* «вечером», «по вечерам» и т. п.

Встречаются в разных языках также и другие случаи использования грамматических форм со словообразовательными целями. Ср. нем. слово *Geld* «деньги» (в противоположность соответствующему русскому слову не имеющее формы множественного числа) и нем. слово *Gelder* «денежные суммы», «де-

нежные средства», где суффикс множественного числа используется в качестве словообразующего суффикса.

К явлениям этого же порядка относится, например, и субстантивация инфинитивов в немецком языке, сопровождающаяся преобразованием формообразующего суффикса инфинитива в словообразующий суффикс имени действия, ср. *schreiben* «писать», и *das Schreiben* «письмо», «писание» (процесс), а также его омоним *das Schreiben* «письмо», «послание» (письменный документ).

III

Словообразовательные типы обычно включают каждый производящие основы, принадлежащие к разным семантическим группам и даже к различным частям речи, в результате чего (в морфологическом словообразовании) возникают различные семантические взаимоотношения между аффиксом данного словообразовательного типа и разнообразными производящими основами, что в ряде случаев может повести сначала к многозначности данного словообразовательного типа и данного аффикса, а затем и к аффиксальной омонимии или омоморфемности¹.

Там, где семантическая связь между близкими друг к другу общими значениями словообразовательных типов еще не утрачена, можно говорить о многозначности (или многофункциональности) данного типа и данного словообразующего аффикса. Так, например, в целом ряде языков один и тот же словообразовательный тип выступает в двух значениях (двух функциях) — в значении действующего лица и значении орудия действия. Ср. в русском языке *учитель*, *водитель*, *организатор*, с одной стороны, и *двигатель*, *выключатель*, *трансформатор*, с другой. Словообразовательные типы с суффиксами *-тель* и *-атор*, таким образом, выступают здесь в двух связанных между собой общих значениях, почему можно говорить о многозначности этих типов (типа на *-тель* и типа на *-атор*) и о многозначности самих суффиксов *-тель* и *-атор*.

Аналогичное положение мы имеем в немецком и английском языках, где суффикс *-er* также выступает как суффикс имени деятеля и названия орудия действия, ср. нем. *Flieger* «летчик» и *Wecker* «будильник», англ. *writer* «писатель» и *receiver* «телефонная трубка» (буквально «приемник»).

Перенос значения с деятеля на соответствующее орудие —

¹ Омонимы — это совпадающие по своему звучанию разные слова; омоморфемы (термин, введенный акад. В. В. Виноградовым) — совпадающие по звучанию разные морфемы.

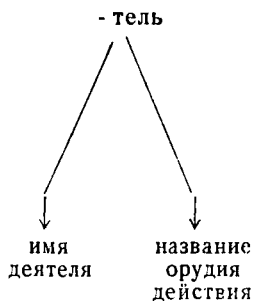
вообще характерное для языка явление. Этот перенос встречается и в других языках. Общим моментом, объединяющим оба эти значения, является значение производителя действия, которым может быть как человек, так и соответствующее орудие или прибор. Таким образом, для данного случая нет никакого основания говорить об омонимии двух разных словообразовательных типов (и об омонимии или оморфемности образующих их суффиксов), а надо говорить о двух значениях одного словообразовательного типа и о двух значениях образующих этот тип суффиксов (о двух значениях суффикса **-тель** и суффикса **-атор** в русском языке и о двух значениях суффикса **-ег** в немецком и английском языках).

Однако вряд ли в плане многозначности можно рассматривать такие словообразовательные типы, как названия лиц с суффиксом **-ник**, например, *отличник*, *заочник*, *колхозник*, *курортник*, *чертежник*, и производные слова с суффиксом **-ник**, такие, как *цветник*, *вопросник*, *задачник*; *чайник*, *кофейник*, или же такие, как *коровник*.

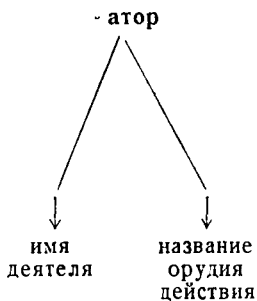
Здесь скорее всего следует говорить о двух омонимичных словообразовательных типах и о двух омонимичных (или оморфемных) суффиксах **-ник**.

Приведенные выше положения могут быть проиллюстрированы следующими таблицами:

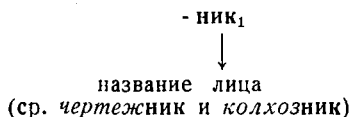
1. Словообразовательный тип

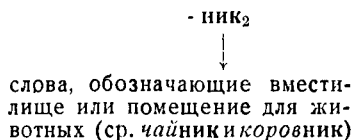
2. Словообразовательный тип

3₁. Словообразовательный тип

3₂. Словообразовательный тип

Многозначность словообразовательных типов (охватывающих основы различного значения и часто основы, принадлежа-

щие к разным частям речи) возникает обычно в результате взаимовлияния значения данного словообразовательного средства и значения производящих основ. Для отдельных словообразовательных типов возможно даже установить определенные закономерности семантического развития.

Так, имена действия обнаруживают тенденцию к приобретению значений результата, объекта, места, орудия действия и даже значения действующего лица. Эта особенность семантического развития данного словообразовательного типа была отмечена еще такими русскими учеными, как А. А. Потемкин и М. М. Покровский.

К изменению значения имен действия в сторону опредмечивания приводит влияние предметного значения, присущего всякому существительному как части речи, влияние грамматических категорий имени существительного и его синтаксического употребления, тесно связанных с общим лексико-грамматическим (предметным) значением этой части речи. Всякое существительное обозначает предмет в широком смысле этого слова, и у таких отглагольных существительных, как имена действия, влияние данного значения на семантику всего производного слова в целом приводит к тому, что слово постепенно теряет значение процесса, присущее глагольной основе, постепенно опредмечивается в своем значении и приобретает предметные значения, связанные с данным действием. Ср. **объявление приказа** (процесс) и **объявление в газете** (не действие, а объект данного действия, то, что объявляется); или **перевод данной статьи отнял много времени** (процесс) и **это плохой перевод** (результат); или **проезд запрещен** (процесс) и **проезд Художественного театра** (место действия); или **руководство аспирантами** (процесс) и **руководство учреждения** (действующие лица) ¹.

В изменении значения, которое мы наблюдаем у приведенных здесь существительных, таким образом, сказывается влияние предметного значения данной части речи, влияние свойственных ей грамматических категорий и характерного для нее синтаксического употребления на лексическое значение соответствующих производных слов, образованных от глагольных основ, и на общее значение словообразовательного типа в целом.

Проблема путей развития значений производных слов лишь одна из частных проблем, возникающих при изучении словообразования. Эта частная проблема входит в состав нескольких общих проблем, а именно — с одной стороны, в состав пробле-

¹ У которых значение процесса во времени, типичное для основ глаголов, таким образом, может постепенно утрачиваться.

мы о внутренних законах развития языка в области словообразования, а с другой стороны, в состав проблемы о взаимоотношении словообразования с лексикой и грамматикой и, в частности, об отношении словообразования к классификации слов по частям речи.

Все эти проблемы изучаются советскими языковедами на материале различных языков и будут успешно разрешены, так как советское языкознание развивается на прочной и единственно правильной методологической базе — на основе марксистско-ленинской методологии, на основе марксистско-ленинского учения о языке.

Буржуазная наука не смогла вследствие ошибочного, метафизического подхода к языку не только разрешить, но даже правильно поставить основные проблемы словообразования. Многие проблемы, связанные со словообразованием, у буржуазных ученых даже и не возникали. Советское языкознание развивается в борьбе с различными отжившими научными направлениями, развивается в непримиримой борьбе со всякими реакционными концепциями зарубежных буржуазных лингвистов.

Борьба ведется, в частности, также против двух различных, имеющих большое распространение за рубежом направлений, против пережитков концепций младограмматической школы¹ и против реакционной американской лингвистики (американского структурализма).

Пережитки концепций младограмматиков особенно сильно сказываются в зарубежной немецкой лингвистике, в значительной мере живущей еще идеями, закрепленными Германом Паулем в его книге «Принципы истории языка» и в его «Немецкой грамматике»².

Для подхода последователей младограмматиков к словообразованию характерны две черты: 1) каждый словообразовательный тип рассматривается в основном изолированно, вне взаимодействия с другими типами и, главным образом, с точки зрения его происхождения, 2) словообразовательные типы рассматриваются с точки зрения сочетаемости того или иного аффикса с различными основами.

Реальная специфика словообразовательных типов и их место в системе словообразования в определенную эпоху развития языка при этом остаются невыясненными, так как исследование системы словообразования в различные периоды исто-

¹ Образовавшейся в прошлом веке в Германии и хотя имеющей много ошибок, но давшей и много ценного для развития языкознания.

² H. Paul. Prinzipien der Sprachgeschichte, 1920; его же Deutsche Grammatik, 1920, Bd. V.

рий языка и исследование истории развития этой системы часто подменяются историей отдельных ее элементов, даваемой по существу во вневременном плане.

Для представителей этого направления в первую очередь важно выяснить, что, например, суффикс прилагательных **-lich** восходит к основе древнего существительного **lih** со значением «тело», «образ», а затем установить, что при помощи данного суффикса образуются прилагательные от основ имен лиц (*brüderlich* «братский» от *Bruder* «брат»), от основ существительных с временным значением (*täglich* «ежедневный», «дневной» от *Tag* «день»), от основ прилагательных (напр., *bläulich* «синеватый», «голубоватый» от *blau* «синий», «голубой») и т. п. При этом устанавливается общее значение каждого образования. Никакого детального семантического анализа различных типов не проводится. Суффикс **-lich** (и другие суффиксы) рассматривается при этом исключительно в плане многозначности или многофункциональности. Вопрос о суффиксальной омонимии в таких, например, случаях, как *brüderlich* «братский» и *bläulich* «синеватый», «голубоватый», не ставится. Указывается на семантическую близость образований с различными суффиксами, например, образований с суффиксом **-lich** и образований с суффиксом **-bar** (*erklärlich* и *erklärbar* «объяснимый») и затрагивается (однако весьма бегло) вопрос об аффиксальной, в данном случае суффиксальной, синонимии.

Ясного представления о реальной функциональной значимости того или иного словообразовательного средства, о реальном месте различных типов в системе словообразования изложения вопросов словообразования в работах младограмматиков и их последователей получить нельзя. Таким образом, историзм этих лингвистов на деле оказывается мнимым, кажущимся историзмом, ибо их рассмотрение не дает представления о системе языка (и в частности о системе словообразования) в определенный период исторического развития.

Необходимо, однако, заметить, что младограмматическая школа XIX и начала XX века — хотя представители ее и неправильно понимали историзм — все же выдвигала требование исторического подхода к языку на основе сравнительно-исторического метода, метода, хотя и страдающего существенными недостатками, но имеющего и очень большие достоинства.

При критическом подходе к нему с марксистских позиций научное наследство, оставленное младограмматиками, может быть использовано советской наукой. Совершенно иначе обстоит дело с современными американскими лингвистами-структуралистами, которые с самого начала выступили как носители

реакции и методы языкового исследования которых для нас являются совершенно неприемлемыми.

Подход к языку у американских структуралистов отличается иными чертами, чем у приверженцев младограмматической школы. Наиболее видные представители этого реакционного направления (Блумфильд и развивающие его идеи Блох и Треджер) подходят к современному языку не с точки зрения истории его элементов — как это делают младограмматики, — а, наоборот, обычно вообще отмечают подход к современному языку как к продукту предшествующей его истории. Задача, которую ставят перед собой лингвисты этого реакционного направления, заключается в том, чтобы разложить язык на уже более неразложимые структурные элементы и установить порядок расположения этих элементов. Так как такими элементами являются морфемы (т. е. такие компоненты слов, как основы, аффиксы, флексии), то язык в представлении американских структуралистов оказывается состоящим не из реальных его единиц — слов, а из морфем. Американские структуралисты проводят анализ и слов, и предложений, но так как они неверно понимают функции языка как средства общения, то они неправильно понимают и специфику слова, и предложения. И к слову, и к предложению они подходят лишь с точки зрения их разложимости на определенные компоненты и с точки зрения порядка следования этих компонентов. Как предложение, так и слово для них в равной мере «конструкции», состоящие из определенных составных частей. Американских структуралистов интересует, таким образом, не качественная, а количественная сторона в языке. И такой механистический подход, совершенно неприемлемый для науки, они ставят себе в особую заслугу.

Блумфильдом и его последователями не делается никакого различия между основами слов и словами, и такое, например, слово, как *мудрец*, состоит для этих лингвистов не из основы *мудр-* и суффикса *-ец*, как это есть в действительности, а из слова *мудр* и суффикса *-ец*.

Никакой разницы между формообразованием и словообразованием американские структуралисты не делают. С их точки зрения *читает* такое же слово (а не форма слова, не форма глагола *читать*), как, скажем, *читатель* или *издательство*.

Эти немногие (для большей наглядности данные на материале русского языка) иллюстрации к положениям американских структуралистов, которые кладутся ими в основу морфологического анализа языка, с совершенной очевидностью показывают ошибочность их лингвистических концепций, превращающих язык из орудия общения, представляющего собой

стройную систему, в бесформенную и бессмысленную грудку морфем.

Советское языкознание, вооруженное методом творческого марксизма, развивается и крепнет в борьбе со всеми и всяческими идеалистическими лженаучными «теориями» реакционной буржуазной лингвистики. Разрабатывая проблемы языкознания на основе марксистского учения о языке, советская языковедческая наука не только разоблачает эти порочные «теории», но и противопоставляет им свои достижения, полученные в результате исследования языка с диалектико-материалистических позиций.

В своей работе советские ученые используют все то ценное, что оставлено им в наследство крупнейшими русскими лингвистами А. А. Потебней, Ф. Ф. Фортунатовым, А. А. Шахматовым, Л. В. Щербой и другими лингвистами. Критическое использование всего этого богатого наследия помогает советским ученым успешно развивать современное советское языкознание.

И. В. Сталин в своем труде по языкознанию показал всю несостоятельность так называемого «нового учения» Марра и его последователей, вульгаризировавших и извращавших марксизм и нигилистически отвергавших всякую преемственность в науке, всякое научное наследство.

Н. Я. Марр и его последователи, ошибочно считавшие язык надстройкой, исходившие не из положений творческого марксизма, а из разных антинаучных «теорий», как, например, теории стадийности или теории классовости языка, не видели специфики языка как средства общения, не видели специфики и реального взаимоотношения разных его сторон.

Реальная словообразовательная структура слова для Марра не существовала, так как все слова им разлагались на фантастические четыре элемента и научный анализ строения слова подменялся, таким образом, ничем общим с наукой не имеющим палеонтологическим анализом.

Ничего существенного для развития учения о словообразовании не дали и последователи Н. Я. Марра, хотя от четырехэлементного анализа большинство из них отказалось. Проблему формы слова и связанные с ней вопросы словообразования марровцы недооценивали. Детальный морфологический анализ они считали «формализмом» — термин, который, по меткому замечанию И. В. Сталина, был ими выдуман «для облегчения борьбы со своими противниками в языкознании»¹, т. е. для облегчения борьбы с противниками марровщины,

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1953, стр. 42.

продолжавшими заниматься детальным анализом языка и в условиях аракчеевского режима в языкознании. Среди этих противников Марра в первую очередь должно быть названо имя акад. В. В. Виноградова, давшего до дискуссии и после нее целый ряд ценных трудов, посвященных различным актуальным языковедческим проблемам, в частности, словообразованию.

**ВОЛОГОДСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА**

Доц. К. А. ЛЕВКОВСКАЯ

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

* * *

Редактор Н. М. Шанский

Техн. редактор И. А. Моторина

*

Сдано в производство 23/IX 1953 г.

Подписано в печать 21/VI 1954 г.

Формат бум. 60 × 92/16

Печ. л. 2,25 Бум. л. 1¹/₂ Уч.-изд. л. 1,9

T04806 Тираж 15 000

Издат. № 326 Заказ 2517

Цена 50 коп.

Издательство Московского университета

Москва, Ленинские горы

*

Типография издательства МГУ

Москва, Моховая, 9

6487/15 8/3-15

9048/15 8/10-96

2920 - 4/10-02

10349/15 - 2/1/02 -

8162 10/10-05

3596-6/17-05

2006

2304-2/4

17

10

